

Александр Ермак

Любишь – не любишь

Александр Ермак

Любишь – не любишь

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=423132

Аннотация

«Уже утром мы будем вдвоем, совсем вдвоем, только вдвоем...
Она отстранила меня. Потом взяла за руки и вцепилась мне в
лицо своим взглядом:

– Скажи, ты меня любишь? Ты меня любишь?

Я ничего не выдал. Я, не моргая, смотрел на нее, сквозь нее...»

Александр Ермак

Любишь – не любишь

Почему я поехал на поезде? Самолеты летали по расписанию. В кармане лежало два авиабилета. Один из них на мое имя. И я мог сдать второй, зайти в самолет и выйти из него через пару часов. Уже на месте. Но я сдал оба билета. Вернее порвал. Медленно-медленно – ее. И быстро-быстро – свой. Я не хотел, чтобы второй билет имел какую-либо связь с первым, даже и уничтоженным. Падая, обрывки покрывали друг друга, смешивались, пропитывались лужной водой, белое становилось серым. У меня не было больше билета на самолет. Но не поэтому я поехал на поезде.

Перелет к морю слишком быстр. Он подходящ, когда лежишь вдвоем. Когда не терпится избавиться от соглядатаев: родственников, знакомых, сослуживцев, прохожих, пожизненных спутников всех сортов – параллельных и перпендикулярных. Когда бежишь прочь от распахнутых пространств офисов, улиц, населенных квартир. Когда дорога каждая минута, проведенная вдвоем. Когда ты действительно хочешь быть вдвоем, вдвоем, вдвоем...

Вдвоем в самолете так тягостно от скованности ожидания и так сладко от предвкушения. Знаешь – скоро объявят: «Пристегните ремни, приготовьтесь к посадке...» И самолет резко пойдет вниз. И захватит дыхание. Там, там внизу под

облаками мы будем совсем вдвоем. Самолет прокатится по полосе. Подадут трап. Откроют двери. Лабиринт аэропорта и площадь перед ним. И вот уже такси летит по дороге вдоль моря. И уже легче. Можно целоваться и всю тискать друг друга. Таксист не против. Он только молча курит и время от времени поглядывает в зеркальце заднего вида – как там дела. А мы спешим, но не торопимся. Мы в поцелуях коротаем последние минуты ожидания. Еще четыре поворота и гостиница, в которой нас никто не знает. И двухместный номер. И мы вдвоем, вдвоем, вдвоем... И час, и два, и три... Все в полусне... Какая дивная слабость... Попить... Поесть... Вдвоем мы завтракаем... Или обедаем... Или ужинаем... Мы не скоро вернемся в обыденный ритм. Пока у нас свой хронометр. Один на двоих. Мы ласкаем друг друга, мы одеваемся, держась за руки гуляем по набережной, купаемся в море, играем простором, когда захотим, когда возжелаем. Солнце и звезды – это не время, это то, чем мы дышим вдвоем.

Вдвоем... Мы должны были ехать вдвоем. На одно и то же время взяли отпуск. Собрали чемоданы: мой – поменьше и ее – побольше. Утром мне следовало выслушать напутственную речь своих родителей, заехать за Анной. Пока она одевается, почтить с ее матерью друг друга минутой молчания, и улететь, наконец, из этого города-глаза. Вдвоем.

Но вечером, когда я проводил Анну до дома, когда меня прорвало и я всю живописал ей курортные прелести длиною в двадцать один день и двадцать ночей, она вдруг за-

мкнулась, потускнела и будто перестала внимать мне.

– Что такое? – обнял я Анну, – Уже утром мы будем вдвоем, совсем вдвоем, только вдвоем...

Она отстранила меня. Потом взяла за руки и вцепилась мне в лицо своим взглядом:

– Скажи, ты меня любишь? Ты меня любишь?

Я ничего не выдал. Я, не моргая, смотрел на нее, сквозь нее.

Глаза Анны набухали влагой. Что я мог ей ответить? У меня даже не было возможности соврать. Я не знал ответа. Просто не знал. Всего лишь навсего.

Как все чудесно складывалось. Уже полгода мы встречались вечерами. И по субботам. И в воскресенье. Везде, где можно: в кино, в театре, в кафе, в оставшейся на час пустой квартире. Нам было хорошо. И мы мечтали об этом отпуске, о времени и состоянии, когда будет еще лучше. И вдруг:

– Любишь? Не любишь?

Какие-то чужие слова. Кто и зачем их сказал? Я смотрел в глаза Анны: «Зачем она это спросила?» И тут же мысли сорвались со своих мест, заметались, пытаюсь объяснить эту женщину. Но тщетно. И я сдвинул брови:

– Разве это имеет значение? Сейчас. Здесь. Зачем?..

Из ее глаз тут же потекли слезы. Не брызнули, как бывало во время каких-то мелких ссор, обид, а потекли. Крупные. Одна за одной. Анна изливалась ими беззвучно. Ни всхлипа, ни шмыганья носом. Она смотрела мне в глаза своими стру-

ящимися и как будто не слышала меня, как будто продолжала ждать ответа.

Я молчал. Недоуменно. С каждым мигом все более раздосадовано: «Море слез... Море слез... Море слез...»

Анна, наконец, шумно вздохнула. Полезла в сумочку за платком. Заговорила про серьезность отношений, про то, как это важно знать, есть ли у другого человека настоящие чувства или их нет.

Никогда, никогда мы не говорили об этом. Зачем впустую тратить время на слова? Зачем заменять ими поцелуи, объятия, душевную упоенную тишину?

Я слушал Анну и не слышал. Это было скучно. И банально. И продолжать этот разговор там – у кипящего моря не имело никакого смысла. И я сказал:

– Мы... Мы никуда не едем...

Я высвободил руки и качнул головой:

– До свидания.

И я пошел. Прочь от ее подъезда. Прочь от ее дома. Прочь от самой Анны. Ну, какой черт ее дернул спросить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.